

ПРАВО НА ИЗЪЯН

ПОСТАПОКАЛИПСИС • БИОПАНК • АНТИУТОПИЯ

ВИКТОРИЯ КАВЕРИНА

Виктория Каверина

Право на изъян

<https://litres.ru/74479297>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семьдесят пять лет. Возраст, когда обычные люди уходят навсегда. Но не Октябрина Сергеева. Для мира С.У.К.И. она — «Первая», бессмертная, идеальная, застывшая в двадцати пяти годах. Её тело не стареет, не болеет, не знает усталости. Но цена бессмертия — железный ящик, в который она запирает свою сущность, чтобы не превратиться в то, от чего город зачищают десятилетиями.

Мир, где вирус «Ишмет», созданный как лекарство от смерти, стал проклятием, превращающим людей в биомассу. Где Служба Усиленного Контроля стирает индивидуальность во имя «спасения человечества».

Её последняя миссия — найти Владимира, сына человека, который был ей ближе отца. Ключ к другому городу. Ключ к надежде. Ключ к праву на ошибку, на боль, на смерть.

«Право на изъян» — это история о том, что значит быть человеком в мире, где совершенствование стало приговором. О цене бессмертия и ценности смерти. О том, что наши шрамы, наша боль и наши ошибки — не слабость, а единственное, что делает нас живыми.

Содержание

Глава 1. Мокрое утро	4
Глава 2. Лекция для убийц	15
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Виктория Каверина

Право на изъян

Глава 1. Мокрое утро

Таким не гордятся и не рассказывают об этом при первой возможности, это прячут настолько далеко и глубоко, что порой и сами забывают о своей особенности. Вот только ваша особенность, ваш изъян не даст себя просто так вычеркнуть. Она будет вылезать из укромных темных уголков вашей души, чтобы напомнить о себе. Сначала это будет неуклюже и неуверенно, так что, первое время ее можно будет отлавливать и закрывать снова. Но со временем, когда она поднабореет, а вы потеряете бдительность, сущность, если можно так сказать, будет все искуснее вас обманывать и все дольше наслаждаться свободой, до тех пор, пока не соизволит быть пойманной. С каждым ее «выходом в свет» вы будете все сильнее ее отрицать и закрывать ее в еще более крепкий ящик на задворках своего «я». Однако, чем больше вы противитесь ей и отвергаете ее, тем могущественнее она становится и, в конечном итоге, закроет в ящике вас.

Могла бы я сказать, что однажды это произошло со мной и, побывав на месте сущности, я выбралась и приняла ее как равного. Это была бы ложь. Оттуда не возвращаются, по

крайней мере люди. Они остаются там навсегда, становясь теми, от кого до сих пор идет зачистка.

Мне очень повезло не стать ими и еще больше повезло встретить наставников, которые помогли осознать многие вещи.

Со дня моего появления на этот свет прошло уже 75 лет, однако, я все так же молода, активна, здорова и остра умом, как в 25 лет. Организм перестал стареть, изнашиваться и болеть. Изменения проявляются внутри, душевно. Однообразие жизни и предсказуемость людей изматывают, усталость стала постоянным спутником, от которого не спрячешься и не убежишь. Все чаще хочется поделиться с кем-то близким своими переживаниями, идеями, планами и впечатлениями о прочитанной книге (наконец-то их стали снова писать!). В такие моменты я берусь за свой дневник, который веду с раннего возраста по настоянию моего отца. Спасибо ему, за эту привычку.

Мудрый был человек, мой отец. Многому меня научил и многому не успел. Порой, мне кажется, вместе мы смогли бы достичь большего, спасти многие жизни, но, как бы он сказал: «Все в руках Вселенной! Она дает нам путь и мы смиренно идем по нему».

– Черт! – воскликнула я от неожиданности. Браслет на руке послал еще один ощутимый разряд электрического тока.

Неужели испытала настолько сильную эмоцию? Я потерла лицо ладонями, выдохнула, посчитала до пяти и вдохнула.

ла снова. Опустив глаза на браслет, заметила, что стрелка на экране, все еще на верхней границы нормы. Тогда нужно расслабить шейный отдел. После пары упражнений я сделала несколько глубоких вдохов для восстановления дыхания и снова посмотрела на экран. Показатели пришли в норму.

Странно, заполняя дневник, я не чувствовала никакой негативной эмоции. Может датчик барахлит? Нужно понаблюдать. При повторной ситуации отнесу его на проверку. На новые модели браслетов контроля частенько жалуются из-за неисправностей. Возможна какая-то недоработка.

– Если ты надумал барахлить, я тебя заменю, – я легонько постучала пальцем по экрану и в ответ получила еще один разряд. – Черт! Это уже не смешно совсем, сейчас же посмотрю где ближайший центр обслуживания.

Пока я рассматривала карту, для поиска сервисного центра, раздался телефонный звонок. Что ж, ожидаемо.

– Слушаю.

– Это Сергеева Октябрина Михайловна?

– Она самая, – ох, спасибо папе за имечко! – Чем обязана?

– Вас беспокоит Служба Усиленного Контроля Ишметов*, поступили данные с вашего браслета контроля. Мы зафиксировали сильный эмоциональный скачок. У Вас все в порядке?

– Хотите знать, не превратилась ли я? Нет, иначе сейчас была бы несколько занята судорожным поиском выхода из замкнутого пространства и планированием побега остатка-

ми мозга «на вольные хлеба».

– Откуда у Вас данные первой стадии превращения? Эта информация не разглашается.

Еще один новенький, что ж, будем знакомится в третий раз. С предыдущим куратором службы мы были в хороших отношениях.

– Прежде чем позвонить, Вы ознакомились с моей карточкой? Прочтите третью строку сверху, – в трубке послышалось шуршание, – прочли?

– Да, извините, вопрос был некорректен. Вы правда, та самая исследователь? Одна из первых Ишметов?

– Она самая. Отвечаю на ваш вопрос – со мной все в порядке, завтра, как и полагается, загляну в службу для проверки БК*. В каком кабинете мне вас найти для личного визита согласно протоколу?

– На третьем этаже, в кабинете номер 8. Скажите на проходной, что...

– Нет нужды, – перебивать не вежливо, но разговор хочется закончить как можно скорее. – До встречи завтра в 9:00, я приду к открытию!

Я нажала кнопку сброса вызова и положила телефон на стол. На экране браслета стрелка опять решительно поползла вверх. Это все очень странно. Мое тело и душа в состоянии покоя, присутствует только интерес к происходящему.

За последние пару месяцев численность ишметов начала стремительно снижаться. Браслеты контроля все чаще меня-

ют на новые модели из-за неисправности старых. Но так ли они неисправны? К этим странностям добавилась и смена куратора. Иван был крепким мужчиной, в годах, конечно, но его здоровью и физической форме мог позавидовать и двадцатилетний парень. Почему он взял отставку?

– Черт! Не вздумай опять подлетать вверх, хорошим это для нас не кончится, – пробурчала я глядя на браслет, стрелка медленно плыла к верхней границе.

Подышав по технике квадрата я потопала в спальню за более старой, но более надежной версией БК, переделанным специально под меня отцом. Он меня еще ни разу не подводил, ни тот ни другой. Завтра мне предстоит знакомство с новым куратором и выяснение неудобных вопросов, нужно соответствовать своей репутации. Я заглянула в шкаф, подходящей одежды для подобного рода визитов в нем не было уже давно...лет тридцать, если не больше.

Говорят, что мода циклична, что ж, поверим этому высказыванию. Порывшись на полках и вешалках гардероба мне, наконец-то, удалось выудить оттуда темно-синюю юбку карандаш ниже колена, пуловер и пару лодочек ему в тон, завершим образ сумочкой футляром и шелковым платком. В качестве аксессуара добавлю широкий браслет, прелесть которого заключается в трансформации в острый удобный клинок, способный дотянуться до мозга через глаз. Не могу же я пойти совсем безоружной, хоть так и требует протокол. Теперь ужинать и спать. Красоте требуется сон.

Я поменяла браслеты, предварительно настроив свой старый на передачу данных по запросу С.У.К.И, приготовила бутерброд с яйцом и сыром, поела и вымыв посуду направилась обратно в спальню. Со своим прежним БК я чувствовала себя увереннее и спокойнее. Скользнув под одеяло я вытянулась и расслабилась. Вот бы завтрашний день оказался легким.

Но, я знала, что это невозможно. Предстояло отыграть свою роль в обществе, убедить нового куратора и его консультантов в своей адекватности, а самое главное – выяснить что случилось с Иваном, моим прежним куратором и что происходит с браслетами.

Одежда приготовленная с вечера не пригодилась. Пробуждение было неожиданным, холодным и...мокрым. В доли секунды усмирила гнев, вспыхнувший, словно спичка, рукой вытерла лицо и села, открыв глаза.

– И Вам доброе утро! – сказала я, скрипнув зубами. – Знакомство обычно начинается со слов «Здравствуйте, меня зовут так-то, я тот-то», а не обливанием водой незнакомого и ни в чем не виновного человека в его доме. Нынче этому в Службе не учат?

Двое молодцов примерно 19-20 лет, ростом 180 см переглянулись и скрывая ухмылку чуть не хором ответили:

– У нас приказ доставить Вас для прохождения тестирования и заполнения документации в кратчайшие сроки, что бы провести все процедуры до прихода начальства. А Вы не подавали признаков жизни, если можно так сказать. В связи с этим, было решено проверить реакцию на, гхм...

– Да не мямли ты, знаю я что вы проверяли. В Службе не подумали, что это может быть опасно для таких как вы? Что в самоволку уходили или богатенького кого отмузузили?

– Откуда вы...

Учиться им еще и учиться. Даже злость на этих желторотиков пропала. Кажется, кому-то я очень мешаю. Если б вчера не заменила БК, то новая модель пищала бы и была током как заведенная, что дало бы право применить ко мне силу. А именно – уничтожить без суда и следствия.

Я взяла с прикроватной тумбочки телефон. Пальцы намеренно нажимали на экран медленно, с расстановкой, чтобы эти двое успели насмотреться на мой «гневный» профиль.

— Директор Центра Аркадий Львович, — бросила я в пустоту, вызывая прямой канал.

Гудок. Второй. Третий. Парни переглядывались, переминаясь с ноги на ногу. Я усмехнулась про себя. Пусть помучаются. На пятом гудке экран мигнул, и соединение установилось.

На меня из прямоугольника смотрело сонное, слегка одутловатое лицо мужчины средних лет. Он моргал, пытаясь сфокусировать взгляд, и неловко поправлял воротник ру-

башки, которая, судя по всему, была застегнута на одну пуговицу поверх голого торса.

— Октябрина Михайловна... — его голос был хриплым, с ноткой искреннего недоумения. — Что случилось? Сработала тревога на вашем...

— Аркадий Львович, — я не дала ему закончить, и мой голос звенел от сдерживаемой, холодной ярости. — Судя по вашему виду, ночь у вас была спокойная. А вот мое терпение, как и мой сон, вы только что решили принести в жертву бюрократии, не такие спокойные и крепкие.

Я сделала шаг вперед, и сонливость на его лице начала сменяться напряженным вниманием.

— Вы в курсе, — продолжала я, чеканя каждое слово, — что мой статус «Первой» подразумевает не только почетную грамоту на стене в холле, но и определенный иммунитет от утренних облав? Меня можно будить только в одном случае: если город упал в эпидемиологическую яму. Но судя по тому, что ваши мальчишки для битвы сейчас пытаются выломать мне дверь и тащить меня на тесты силой, апокалипсис я, видимо, пропустила.

— Октябрина, это недоразумение, протокол предписывает... — начал он, пытаясь включить режим «заботливого начальника».

— Протокол предписывает не лить ледяную воду на человека, которому через месяц исполнится семьдесят шесть, — отрезала я. — И уж точно не присылать стажеров с шокowymi

ми дубинками, когда речь идет о носителе аналогового БК.
Я развернула телефон, наводя камеру на парней.
— Познакомьтесь. Это, видимо, те самые герои, которые решили, что я представляю угрозу для общества.

Кадеты, осознав, что на них смотрит сам Директор, вытянулись в струнку. Их лица были багровыми, а глаза бегали по комнате, не зная, на чем остановиться. Они выглядели именно так, как и должны выглядеть люди, понявшие, что только что попытались арестовать легенду, которая видела, как строили этот город.

Аркадий Львович тяжело вздохнул, проведя ладонью по лицу. Сонность как рукой сняло, оставив после себя лишь усталое раздражение.

— Отбой, — бросил он в экран. — Марш из квартиры. И, клянусь Вселенной, если вы еще раз перепутаете адрес или уровень допуска, я лично отправлю вас на переработку в биореактор. Закрыть дверь.

Парни рванули к выходу с такой скоростью, что чуть не снесли косяк. Дверь за ними захлопнулась. В квартире повисла тишина, нарушаемая лишь тихим гудением холодильника.

— Надеюсь, вы довольны, Октябрина Михайловна, — голос Директора стал сухим и официальным. — Вам не нужно мчаться в Центр сию минуту. Смените одежду, выпейте чаю. Достаточно будет подойти к открытию, чтобы просто познакомиться с вашим новым куратором. Без тестов, без стресса.

Я смотрела на его лицо. На то, как он старательно избегает смотреть прямо в камеру. Мой старый, отцовский браслет на левой руке вдруг показался мне невыносимо тяжелым, холодным металлом. Сердце, которое не знало сбоев, сделало один лишний, болезненный удар.

— Где Иван? — спросила я. Голос мой предательски дрогнул, и я тут же стиснула зубы, чтобы скрыть эту слабость.

Аркадий замер. Его пальцы, которые только что теребили край воротника, неподвижно застыли.

— Иван Викторович переведен на другой участок работы, — ответил он ровно, слишком ровно.

— Он брал отставку? — я наклонилась ближе к экрану, упираясь ладонью свободной руки в столешницу. — Мы работали над одним проектом. Где он, Аркадий?

— Октябрина Михайловна, — Директор подался вперед, и его глаза в пикселях экрана стали жесткими, как стеклянные пуговицы. — Вопросы кадровых перестановок регулируются Протоколом 44-Б. Информация о статусе, местонахождении и здоровье действующих сотрудников Службы Усиленного Контроля не подлежит разглашению. Особенно лицам, находящимся на особом учете. Вы знаете правила.

Особый учет. Эти два слова повисли в воздухе, тяжелые и токсичные. Я чувствовала, как по спине, несмотря на идеальную терморегуляцию моего молодого тела, ползет ледяной липкий страх. Не за себя. За Ивана.

«Особый учет» означал, что они не просто сменили кура-

тора. Они изолировали меня. А Ивана... Ивана больше нет в том виде, в каком я знала его. Или его нет вообще.

Я медленно выпрямилась. Лицо мое застыло в маске ледяного безразличия, хотя внутри все сжималось в тугую, болезненный узел. Я не имела права показать ему, что мне больно. В этом мире эмоции — это повод для внеочередного теста.

— Разумеется, Аркадий Львович, — произнесла я, и мой голос звучал пугающе спокойно. — Протокол так протокол. Приду после занятий, у меня завтра курсанты. Познакомлюсь с вашим новым... ресурсом.

— Отлично, — выдохнул он, словно ему стало легче, что я не устроила скандал. — До встречи.

Связь оборвалась. Экран погас, отразив мое лицо. Молодое, гладкое, без единой морщинки. И абсолютно мертвое внутри.

Глава 2. Лекция для убийц

Я простояла с телефоном в руках минут пять. Может, десять. Время — штука капризная, когда тебе семьдесят пять и ты до сих пор не научилась отличать шок от обычной утренней задумчивости. Потом тело, привыкшее к дисциплине лучше, чем разум, само двинулось в ванную.

Горячая вода смывала остатки ночного кошмара. Я стояла под душем, уперевшись лбом в кафель, и считала плитки. Сто сорок семь. Я их пересчитывала каждое утро последние три года. Привычка — вторая натура, а у бессмертных натур хватает на целую коллекцию.

Курсанты элитного взвода. Лекция в девять сорок. Тема: «Поведенческие паттерны Ишметов третьей и четвертой стадии. Тактика нейтрализации». Я веду этот курс уже двенадцать лет, и каждый раз перед занятием чувствую себя актрисой, которая забыла, зачем вышла на сцену, но ноги помнят дорогу.

Я оделась без суеты. Серый брючный костюм, водолазка под горло — чтобы скрыть браслет, который я носила на шее на тонкой цепочке, как кулон. Старый, отцовский, аналоговый. Сегодня я не могла надеть его на руку — после ночного визита «гостей» на запястье остались характерные потертости, а вопросы курсантов мне были не нужны. Туфли на низком каблуке. Практично. Если придется бежать — не сломаю

шею. Если придется драться — удар каблуком в коленную чашечку еще никто не отменял.

Зеркало в прихожей показало мне женщину двадцати пяти. Строгую, собранную, с пепельными волосами, убранными в низкий пучок. Глаза — вот что всегда выдавало. Они были слишком старыми для этого лица. Как два камня на дне ручья: гладкие, обточенные временем, и абсолютно сухие.

Кофе. Черный, без сахара. Бутерброд я есть не стала — аппетита не было, да и желудок, при всей его идеальной регенерации, на нервной почве умел капризничать не хуже, чем у обычной смертной.

Транспорт я выбрала наземный. Метро после ночи в коллаторах вызывало у меня легкую тошноту, а такси — это лишние глаза, лишние камеры, лишние данные для С.У.К.И. Автобус семнадцатого маршрута — старый, дребезжащий, с потрескавшимися сиденьями из кожзама. В нем ездили те, кому не полагался служебный транспорт: лаборанты, уборщицы, младшие научные сотрудники. И я. Преподаватель с особым статусом, который предпочитает вонять чужим потом, чем сидеть в стерильной капсуле.

Город за окном был безупречен. Как всегда. Чистые улицы, стеклянные фасады, голографическая реклама нового йогурта с пробиотиками для «укрепления клеточного иммунитета». Я смотрела на людей на остановках — на их запястья, на новые модели БК, поблескивающие матовым серебром. Зачем надевать БК на простых людей? Вчера я бы не об-

ратила внимания. Сегодня каждый браслет казался мне маленьким жерлом пистолета, приставленного к виску.

Спокойно, Рина. Ты идешь на работу. Ты ведешь лекцию. Ты — Октябрина Михайловна Сергеева, первая из Ишметов, не превратившаяся в Пустую, и твоя задача — научить этих щенков не умирать. Остальное — потом.

Аудитория 3-12. Третий этаж, западное крыло. Я вошла ровно в девять тридцать восемь, за две минуты до звонка. Курсанты элитного взвода уже сидели на местах — двадцать две спины, прямые, как линейки. Двадцать два лица, вымытых, выбритых, с одинаковым выражением старательной внимательности. Им было по девятнадцать-двадцать. Они пахли новым обмундированием и амбициями.

Я положила планшет на кафедру, не глядя на экран. Мне не нужны были слайды. Двенадцать лет — это не та цифра, при которой подглядываешь в конспект.

— Доброе утро, — мой голос прозвучал ровно, без следа ночной бури. — Садитесь. Хотя вы и так сидите.

Никто не улыбнулся. Элитный взвод не улыбается. Элитный взвод — это будущие офицеры зачистки, лучшие из лучших, отобранные по генетическим, психологическим и, подозреваю, родословным критериям. Они не шутят. Они конспектируют.

— Ишметы, они же мертвецы, как вам известно, — я начала без предисловий, облокотившись бедром о край кафед-

ры и скрестив руки на груди, — это не метафора и не сленг. Это точное описание их физиологического состояния. На третьей стадии ретровирус «Ишмет» полностью подавляет активность префронтальной коры. Высшая нервная деятельность прекращается. То, что остается, — это ствол мозга, мозжечок и гипоталамус. Дыхание, движение, агрессия, пищевой рефлекс. Человек в классическом понимании этого слова — мертв. Тело — нет. И вот это «нет» — ваша главная проблема.

Я прошла вдоль первого ряда. Курсанты следили за мной глазами, но головы не поворачивали. Дисциплина.

— Почему? Потому что мертвое тело не боится боли. Не чувствует усталости. Не испытывает сомнений. А теперь добавьте к этому регенерацию. Ишмет третьей стадии восстанавливает поврежденные ткани в шесть-восемь раз быстрее обычного человека. Отстрелите ему руку — через сорок минут на месте культи начнет формироваться новая. Кривая, уродливая, с костяными шпорами вместо пальцев, но функциональная. Потому что вирус не знает эстетики. Он знает эффективность.

Я остановилась перед парнем во втором ряду. Светлые волосы, серые глаза, аккуратный шрам на подбородке. Он смотрел на меня с тем особым блеском, который я научилась распознавать за годы преподавания: смесь страха и восхищения. Он знал, кто я. Они все знали.

— Как обезвредить Ишмета? — я задала вопрос в пустоту

и сама на него ответила. — Забудьте всё, чему вас учили на курсе огневой подготовки. Пули — это ерунда. Вы можете изрешетить Пустого как дуршлаг, и он продолжит ползти к вам, волоча за собой кишки, потому что его мозг не получает сигнал «больно, остановись». Ствол мозга не умеет бояться. Единственный надежный способ — разрушение продолговатого мозга. Точный удар в основание черепа. Нож, штык, шило — что угодно, что пройдет между первым и вторым шейным позвонком. Вы отключаете дыхательный центр. Тепло перестает получать кислород. Регенерация без кислорода невозможна — это биохимия, а не магия. Ишмет падает. Через три минуты начинается необратимый некроз. Через час — биомасса, пригодная для утилизации.

Я вернулась к кафедре.

— Но есть нюанс. Четвертая стадия. Адапты. Те, у кого вирус активировался, но префронтальная кора частично уцелела. Они думают. Плохо, рывками, как лампочка на слабом аккумуляторе, но думают. И вот тут начинается самое интересное. Адапт не бежит на вас с открытым ртом, как Пустой. Адапт прячется. Адапт имитирует нормальное поведение. Адапт может заговорить с вами, попросить о помощи, назвать ваше имя — потому что вирус считывает нейронные паттерны жертвы и использует их как приманку.

Я сделала паузу. Тишина в аудитории стала плотной, осязаемой.

— Как отличить Адапта от человека? Смотрите на ру-

ки. Вирус перестраивает периферическую нервную систему, и первые изменения всегда начинаются с кончиков пальцев. Ногти темнеют, становятся полупрозрачными. Фаланги слегка удлиняются — на миллиметр, на два, но если вы привыкли смотреть, вы заметите. Второе — моргание. Адапт моргает реже. Намного реже. Потому что вирус оптимизирует расход энергии и отключает «лишние» рефлексy. Человек моргает пятнадцать-двадцать раз в минуту. Адапт — три-четыре. Считайте. Всегда считайте.

Я посмотрела на часы. Десять десять.

— Десять минут перерыв. Вода в кулере, туалет — в конце коридора, но не советую: там ремонт, и запах такой, что даже Ишмет развернется.

Курсанты зашевелились. Кто-то потянулся, кто-то достал флягу. Я отошла к окну, спиной к ним, и позволила себе закрыть глаза на три секунды. Три секунды — это роскошь.

— Преподаватель Сергеева?

Я открыла глаза и обернулась. Передо мной стоял тот самый светловолосый из второго ряда. Вблизи он был еще моложе, чем казался. И еще наглее.

— Слушаю, курсант.

— Курсант Белов, — он вытянулся, но в его позе была не дисциплина, а вызов. — У меня вопрос. Если позволите.

— Перерыв для того и дан, — я скрестила руки. — Спрашивайте.

Белов оглянулся на товарищей. Те замерли, чувствуя, что

сейчас будет что-то интересное. Щенки. Они обожают, когда кто-то пытается укусить преподавателя.

— Некоторые наши преподаватели, — он начал, тщательно подбирая слова, — в частности, полковник Громов на курсе тактической зачистки, учат, что Ишметов не нужно «понимать». Что попытка анализировать их поведение — это путь к эмпатии, а эмпатия к мертвецу — это профессиональная деформация, ведущая к гибели. Полковник Громов говорит, что Ишмет — это биологический мусор, и относиться к нему следует соответственно. Утилизировать. Без изучения, без классификации стадий, без вот этого вашего... — он чуть заметно поморщился, — ...считания морганий.

Пауза.

— Мой вопрос, преподаватель Сергеева: не кажется ли вам, что ваш подход — это не наука, а... сентиментальность? Что вы, простите за прямоту, относитесь к Ишметам как к людям, потому что сами... ну... — он не договорил, но его взгляд скользнул по моему запястью, скрытому рукавом водолазки.

Тишина в аудитории стала звенящей. Двадцать одна пара глаз уставилась на меня.

Я не моргнула. Не сжала кулаки. Не почувствовала гнева — нет, гнев был бы слишком простой эмоцией, а простые эмоции я научилась переваривать еще в тридцать. То, что я почувствовала, было похоже на холодный смех. Тихий, беззвучный, где-то в районе диафрагмы.

Мальчик. Милый, наглый, глупый мальчик. Ты даже не представляешь, как точно ты попал. И как далеко ты от правды.

— Курсант Белов, — я произнесла его фамилию так, как скальпель входит в ткань: точно, без давления, но с гарантией разреза. — Вы задали два вопроса. Отвечу на оба.

Я сделала шаг к нему. Не угрожающе — просто сократила дистанцию до той, на которой человек начинает чувствовать чужое дыхание. Он не отступил. Хорошо. Хоть в этом Громов его натаскал.

— Первое. Полковник Громов — прекрасный тактик. Я видела его в деле. Он умеет организовать зачистку квартала за сорок минут, с минимальными потерями среди личного состава. Я уважаю его профессионализм. Но полковник Громов за свою карьеру лично нейтрализовал одиннадцать Ишметов. Я — четыреста шестьдесят три. Из них девяносто семь — Адапты. Четырнадцать — на четвертой стадии, с сохраненной речью. Трое звали меня по имени. Один — по имени моей матери.

Белов сглотнул. Я видела, как дернулся кадык под его акkuratным воротником.

— Когда вы нейтрализовали одиннадцать, вы можете позволить себе считать их мусором. Это защитный механизм психики, и он работает. Но когда счет идет на сотни, «мусор» начинает иметь лица. И если вы в этот момент отключите голову и начнете стрелять наугад, вы убьете не Ишмета,

а человека, который еще не до конца превратился. Адапта, которого можно было спасти. Или, что хуже, вы пропустите Пустого, притворившегося Адаптом, потому что не посчитали моргания. И этот Пустой откусит вам голову, пока вы будете размышлять о том, сентиментальность это или наука.

Я выдержала паузу. Дала словам осесть.

— Второе. Вы спросили, не отношусь ли я к Ишметам как к людям, потому что сама... — я намеренно не закончила его фразу, позволив недосказанности повиснуть в воздухе, как запах формалина. — Курсант Белов, я не отношусь к Ишметам как к людям. Я отношусь к ним как к задаче. К биологической системе, у которой есть входные данные, алгоритм и уязвимости. Понимание врага — это не сочувствие. Это математика. Если вы не можете отличить одно от другого, вам не в элитном взводе учиться, а в кружке макраме.

Кто-то в заднем ряду хмыкнул. Белов покраснел до корней волос, но выдержал мой взгляд. За это — плюс. Минус за наглость, плюс за хребет.

— Вопрос исчерпан? — спросила я.

— Так точно, — он сел, прямой, как штык.

Я вернулась к кафедре. Звонок прозвенел ровно в десять двадцать.

— Продолжаем. Четвертая стадия. Поведенческие аномалии Адаптов в замкнутом пространстве. Открывайте планшеты, страница сорок семь.

Лекция длилась еще сорок минут. Я говорила о том, как

Адапты используют эхолокацию в темноте, как их мутировавшие сухожилия позволяют прыгать на три метра в высоту, как они реагируют на ультразвук и почему нельзя использовать светошумовые гранаты вблизи колонии — потому что вирус интерпретирует вспышку как сигнал к размножению и Пустые начинают сливаться в конгломерат. Я говорила спокойно, методично, с примерами из практики. Ни разу не повысила голос. Ни разу не посмотрела на Белова.

Когда я произнесла «занятие окончено, свободны», курсанты встали синхронно, отдали честь и вышли гуськом. Белов задержался на секунду у двери, словно хотел что-то сказать, но передумал и исчез в коридоре.

Я собрала планшет, поправила цепочку с браслетом на шее и направилась к лифту.

Третий этаж. Кабинет номер восемь.

Дверь была приоткрыта. Я постучала — один раз, формально — и вошла.

Кабинет был маленьким, стерильно-белым, с единственным окном, выходившим на внутренний двор Центра. За столом, заваленным папками и пустыми стаканчиками из-под кофе, сидел мужчина. Не тот, с кем я говорила ночью по видео. Не Аркадий Львович.

Этот был моложе. Лет сорок, может, сорок пять. Худой, с острыми скулами и тонкими губами, которые казались сжатыми в линию. Волосы — темные, зачесанные назад с педантичной аккуратностью. На запястье — новый БК последней

модели, матово-черный, без единой царапины. Он не встал при моем появлении. Не протянул руку. Просто поднял глаза от экрана и посмотрел на меня так, как патологоанатом смотрит на труп: с профессиональным интересом и полным отсутствием личной вовлеченности.

— Октябрина Михайловна Сергеева, — произнес он. Не вопрос. Констатация. — Садитесь.

Я села. Стул был жестким, пластиковым. Не для гостей. Для подчиненных.

— Майор Корнев, — представился он, не меняя интонации. — Ваш новый куратор. С сегодняшнего дня.

— Приятно познакомиться, майор, — я вложила в эту фразу ровно столько теплоты, сколько в ледяную воду. — А где полковник Иванченко? Иван Викторович. Мой предыдущий куратор.

Корнев не моргнул.

— Полковник Иванченко переведен. Его зона ответственности больше не включает работу с носителями особого статуса.

— Переведен куда?

— Информация служебная.

Я кивнула. Ожидаемо. Как в шахматах: первый ход — банальность, второй — тоже. Интересно, когда начнется игра.

Корнев открыл папку перед собой. Тонкие пальцы с коротко стриженными ногтями перевернули страницу.

— Я изучил ваше досье, Октябрина Михайловна. Впе-

чатляет. Семьдесят пять лет, статус Первой, двенадцать лет преподавательской деятельности, четыреста шестьдесят три подтвержденных нейтрализации. Вы — ценный актив Службы.

Он сказал «актив» так, как говорят «инвентарь».

— Именно поэтому, — он поднял глаза, — руководство приняло решение освободить вас от преподавательской нагрузки.

Мои пальцы, лежавшие на коленях, не дрогнули. Я тренировала это десятилетиями. Но внутри что-то оборвалось. Тихо, без звука, как нитка, которую перерезали тупыми ножницами.

— Освободить, — повторила я. Голос ровный. — Это эвфемизм для увольнения, майор?

— Нет. Это отпуск. Оплачиваемый, разумеется. Полный социальный пакет сохраняется. БК — тоже. — Он чуть улыбнулся, и эта улыбка не коснулась глаз. — Вам нужно отдохнуть, Октябрина Михайловна. Семьдесят пять лет — это срок. Даже для... особенного организма. Накопленная усталость, эмоциональное выгорание, профессиональная деформация — все это фиксируется в ваших последних отчетах. Мы заботимся о своих.

Мы заботимся о своих.

Я смотрела на его тонкие губы и думала о том, как удобно заботиться о ком-то, кого ты одновременно убираешь с дороги. Лекции — это был мой единственный канал инфор-

мации. Единственное место, где я видела курсантов, слышала, чему их учат, понимала, как меняется доктрина С.У.К.И. Убери меня из аудитории — и я слепа. Изолирована. Одна.

— На какой срок? — спросила я.

— Бессрочно. До особого распоряжения.

— А если я откажусь?

Корнев сложил руки на папке. Его пальцы были сухими, без единого кольца, без мозолей. Руки человека, который никогда в жизни не держал ножа.

— Октябрина Михайловна, — его голос стал мягче, и эта мягкость была страшнее любого крика, — вы знаете протокол. Отказ от предписания куратора для носителя особого статуса классифицируется как «поведенческая аномалия». А аномалии, как вы сами сегодня учили курсантов, подлежат... изучению. В условиях стационара.

Он не угрожал. Он цитировал правила. И это было хуже любой угрозы, потому что правила — это не эмоции. Правила не передумают.

Я медленно встала. Стул скрипнул.

— Когда начинается мой отпуск?

— С этой минуты, — Корнев не поднял головы, уже уткнувшись в следующую папку. — Пропуск в Центр будет деактивирован к концу дня. Личные вещи из кабинета можете забрать через службу доставки. Курьер привезет их вам домой.

Домой. В квартиру, которую этой ночью уже приходили

«проверять».

— Благодарю за заботу, майор, — я произнесла, и мой голос был сухим, как песок. — Передайте полковнику Громову, что я полностью согласна с его методологией. Ишметов действительно не нужно понимать.

Корнев на секунду замер. Потом кивнул, не поднимая глаз.

Я вышла из кабинета, закрыла за собой дверь и встала в коридоре. Белый, стерильный, с гудением ламп дневного света. Мой старый браслет на шее, под водолазкой, вдруг стал горячим, как уголь. Я прижала к нему ладонь и почувствовала, как под кожей бьется пульс — мой собственный, ровный, идеальный, проклятый пульс человека, который не может умереть, но которого только что похоронили заживо.

Отпуск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.